

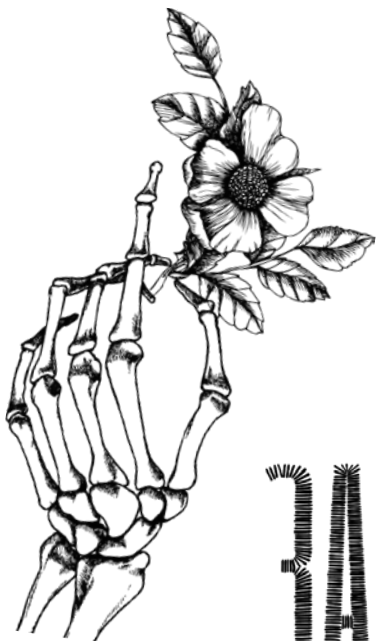

Хелена Хейл

*Любовь бывает
смертельно опасна...*

ЗАМРИ ДЛЯ МЕНЯ

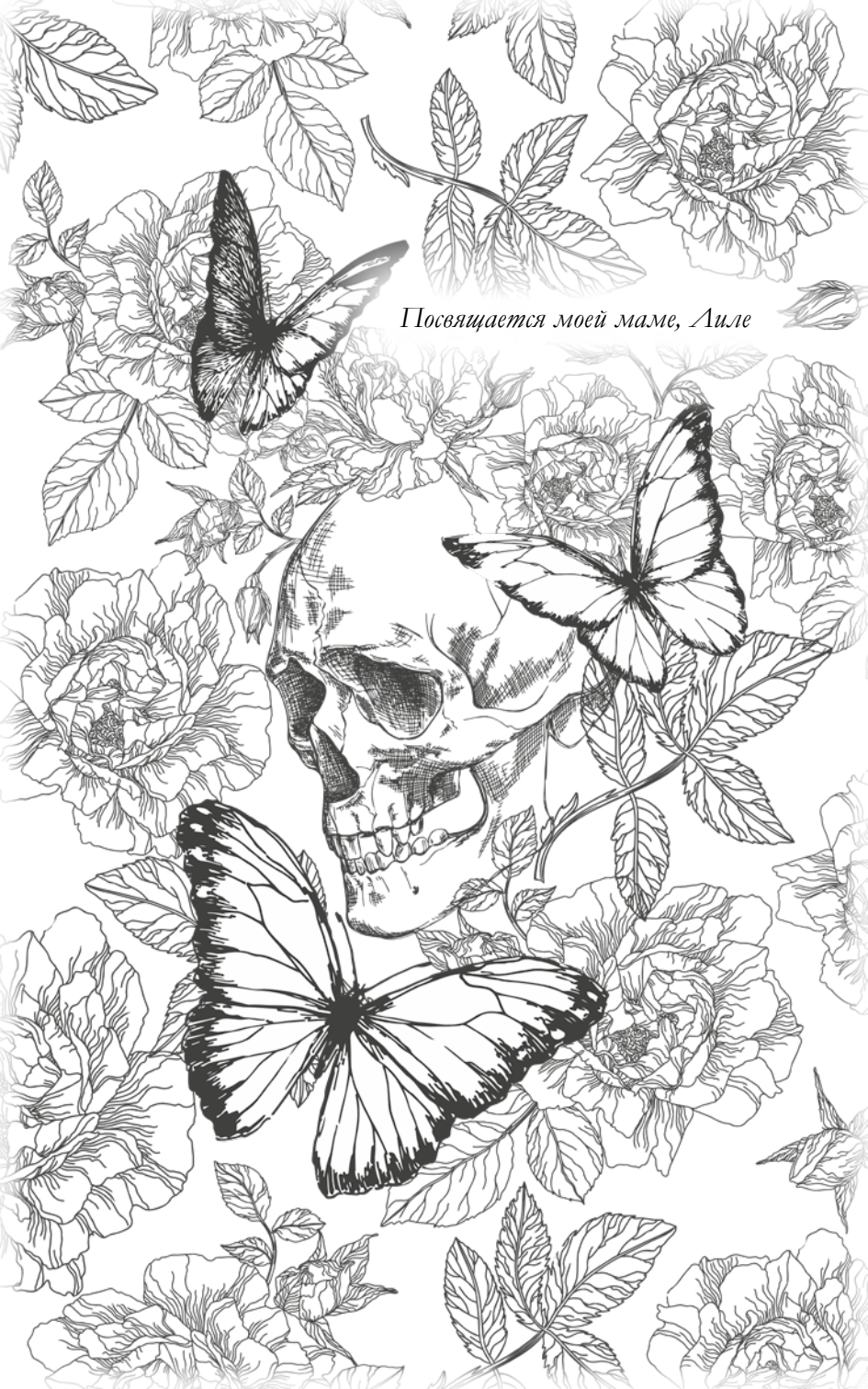
Хелена Хейл

ЗАМРИ

ДЛЯ МЕНЯ

Посвящается моей маме, Лиле

ПРОЛОГ

МАЙКЛ ВЫШЕЛ на остановке «Ок-лейк-уэй», бросил скейтборд на влажный асфальт и, запрыгнув на него, направился в сторону Юго-Восточного университета. Вокруг возвышались покрытые снегом горы, которые так восхищали туристов и которыми так гордились местные жители. Майклу же этот вид действовал на нервы — как и родители, твердившие, что в штате Аляска много перспектив. Он мечтал перебраться в оживленный, шумный, теплый Нью-Йорк с его стремительным ритмом. Университет вытянул из него все силы, но оставил крупицу надежды: в конце концов, высшее образование должно было хоть как-то помочь ему с переездом и поиском работы в сфере недвижимости. В две тысячи шестом году продать и сдать в Джуно было нечего.

Шерстяная, синяя в черную клетку рубашка Майкла развевалась на ветру, как и его длинные светлые волосы. Он перепрыгивал лужи, двигаясь к парковке. Воды озера Ок-лейк переливались на солнце, ослепляя Майкла, — пришлось надеть солнцезащитные очки. Сентябрь в Джуно никог-

да не был жарким — температура не поднималась выше девяти градусов, — но если солнце светило, то безбожно и толком не грея.

— Эй, Майкл! — окликнул его Гарри — лучший друг-скейтер.

Майкл спрыгнул с доски, и они обменялись своим собственным приветствием, включавшим в себя щелчки, хлопки и столкновение животами. Машин на парковке было мало, как и всегда по понедельникам: в этот день ставили мало пар, так как некоторые студенты были просто не в состоянии дойти до учебного заведения после бурных выходных.

Гарри и Майкл подружились еще на первом курсе. Два изгоя быстро нашли общий язык, а к третьему году обучения их дружба стала еще крепче; они даже планировали вместе перебраться в Нью-Йорк.

И все же одна из машин привлекла внимание Гарри.

— Смотри, какая цыпочка! — шепнул друг, указывая татуированным пальцем на девушку за рулем синего «Опель-Корса». — Кажется, она с выпускного курса...

— Да она с тебя глаз не сводит, чувак, — кивнул Майкл, улыбаясь.

Гарри смущенно улыбнулся в ответ. Он был не робкого десятка, наоборот, флиртовать с совершенно незнакомыми девушками — в его стиле, но незнакомка была высокого ранга. Брюнетка,

глаз не рассмотреть, аккуратный носик, в меру пухлые губы, высокий бюст.

— Она не просто не сводит с тебя глаз, — вдруг заметил Майкл, — она, по-моему, и не моргает вовсе...

Тревожное чувство задрезало под ребрами. Гарри запрыгнул на доску и подъехал к «опелю». Майкл боялся сдвинуться с места, тревога завладела всем телом, но он все же заставил себя сделать несколько шагов к машине.

— Привет, красотка! — Гарри постучал по лобовому стеклу и заглянул внутрь. — Вот черт! Майкл! Майкл, звони копам!!!

Майкл чуть не рухнул на землю, но взял себя в руки и набрал телефон экстренной службы, а затем нехотя доковылял до друга, чтобы объяснить ситуацию диспетчеру.

— Полиция штата Аляска, что у вас случилось? — ответил голос на том конце.

— Э-э... мы... здесь... девушка. Она мертва. Ее одежда в крови...

— Мертва? Вы убили ее или нашли? Она точно мертва? Где вы находитесь?

— Нет-нет, мы нашли ее на парковке Юго-Восточного университета. Она сидит за рулем автомобиля «Опель-Корса», номерной знак...

Майкл продиктовал цифры, не понимая, как он смог так четко их выговорить, когда внутри был панический апокалипсис. Раньше он видел трупы только по телевизору. Гарри расхаживал из

стороны в сторону, держась за голову, и нервировал его своим мельтешением. Закончив разговор с диспетчером, Майкл отошел от машины.

— Ну?

— Они едут. Нас попросили дождаться полицию для дачи свидетельских показаний.

— Потрясающе! Дерьмо! — Гарри пнул доску, и та, перевернувшись в воздухе, упала прямым в лужу.

В это мгновение Майкл подумал, что еще никогда горы не казались ему такими красивыми. Он не сводил с них глаз до самого приезда полицейских.

ГЛАВА 1

— МАМОЧКА, ТЫ ТОЧНО забереешь меня после выходных?

Лилян присела на корточки перед дочерью, поправляя ее светлые хвостики. Небесного цвета глаза смотрели на нее с недоверием. С тех пор как Норе исполнилось четыре, она стала еще любопытнее, еще проницательнее и хитрее.

К двадцати семи годам все в жизни Лили казалось ей само собой разумеющимся, и ежедневные вопросы дочери «А почему?..» приводили ее в замешательство. Как только Норе исполнилось три месяца, Лили вернулась к работе в Бюро расследований Аляски, где и работала по сей день, отказавшись даже от отгулов после смерти мужа.

Работа закалила ее. Она стала частью Лили. Да, в Джуно редко происходили убийства и еще реже объявлялись серийные убийцы, но ей нравилось чувствовать свою ответственность, нравилось помогать людям и быть тем, кто защищает. Ей нравился и восхищенный взгляд Норы, когда она надевала форму, хотя последнее случилось

редко, и то, как дочь хвастала перед другими детьми своей мамой-героиней.

А вот родители Лили ее выбор профессии не одобряли, однако, зная пылкий нрав дочери, смирились и безропотно проводили время с единственной внучкой. Рене и Джон Оклоуды жили в Джуно, в небольшом домике на Док-стрит, уже тридцать лет. Дома по соседству можно было пересчитать по пальцам. Улица покорила тогда еще юных молодоженов своей обособленностью и уединением. Джон встретил немку Рене на пароме, следующем на Аляску. Он ехал в экспедицию, она — на каникулы к бабушке. Влюбившись в заповедную природу сурового края и друг в друга, они не смогли покинуть Аляску.

Лили тоже нравилось место, где она родилась и выросла. Из окна ее бывшей комнаты, которая теперь принадлежала Норе, был виден остров Баташиц, а район, где располагался их дом, находился на берегу живописной бухты Фриц. Сам дом за тридцать лет почти не изменился: белая краска на деревянных деталях обновлялась отцом каждые три года, ярко-розовые занавески прикрывали окна первого этажа, а вдоль подъездной дорожки, аккуратно выложенной кирпичом, по-прежнему росли посаженные мамой цветы — в основном лилии.

— Конечно, детка, — ответила Лили дочери.

— Ладно. А можно будет сегодня пригласить к нам домой Диану и Хлою?

— Посмотрим, Нора. Думаю, мы сможем съездить все вместе в парк. Но вряд ли сегодня.

Зазвонил телефон. Увидев высветившийся номер, Лили отошла к рыбацкой лодке отца, лежавшей вверх дном у причала.

— Мерфи.

— Лили? Подъезжай к Юго-Восточному университету, у нас тело. — Звонил ее напарник Картер Райт. Сеть барахла, отчего голос Райта скрежетал.

— Тело?

— Да, скорее всего, убийство.

— Скорее всего? — Лили нахмурила брови, наматывая круги вокруг лодки.

— Приезжай. Это приказ шефа. Я захватил тебе сэндвич с лососем.

Тяжело выдохнув и улыбнувшись, Лили ответила:

— Буду через полчаса.

Захлопнув телефон-раскладушку, Лили поспешила к дочери. Рене уже завела Нору в дом и усадила за кухонный стол, на котором красовались фирменный рыбный пирог и шоколадный торт.

— Ого! Сегодня какой-то праздник? — окинула взглядом кухню Лили.

— Да, приехала моя внучка, а это всегда праздник. — Рене погладила Нору по макушке.

Нора уже схватила кусок пирога и уписывала его с такой жадностью, словно Лили не кормила

ее по меньшей мере несколько суток. Рене укоризненно посмотрела на дочь.

— Что?

— Иногда мне кажется, что ты вообще не готовишь для Норы.

— Мама дает мне в садик очень вкусные бутерброды!

Лили закатила глаза.

— Ладно, мам, мне пора. Звонил Картер, у нас... новое дело.

Рене резко обернулась.

— Новое дело?! — воскликнула она, но, вспомнив о присутствии внучки, перешла на шепот: — Убийство?

— Пока неизвестно. Все, я поехала, позвоню вам вечером. Если Норе что-то понадобится, я привезу завтра. Пока, детка, постараемся встретиться с девочками, когда я разберусь с работой!

— Пока, мамочка! — Нора широко улыбнулась, и кусочек пирога выпал из ее рта.

Лили переступила порог родительского дома и сделала глубокий вдох; ветер стих, светило яркое солнце, золотистые лучи пронизывали кроны деревьев. Сев за руль «доджа», Лили сняла кожаную куртку, оставшись в белом джемпере, затем завела мотор и двинулась в сторону университета. Ей было хорошо известно это учебное заведение: оперативников не раз вызывали из-за шумных разборок нетрезвых студентов. Но еще ни разу на территории университета не находили мертвое тело.

Лили ехала и разглядывала пейзаж за окном. Она и сама не заметила, как ее захлестнули воспоминания о покойном муже. Лили пыталась отогнать грусть, оттеснить ее в самые дальние уголки подсознания. Если впереди ждало настоящее дело, ей нужна холодная голова.

Лили потребовался год, чтобы снова лечь в их супружескую постель и смириться с чередой одиноких ночей. Год, чтобы заставить себя упаковать вещи Дэниеля и отправить коробки свекру, попрощавшись с привычным запахом одеколона мужа.

Проезжая мимо часовни, стоящей на берегу озера, Лили почувствовала, как ее кожа покрывается мурашками. Пресвитерианская церковка была воплощением спокойствия и безмятежности, но Лили знала, что стоит завернуть за угол и выехать на парковку, как она столкнется с прямо противоположным — с тревогой и страхом, связанными с возможным убийством.

Ястреб спикировал на поваленное дерево справа от дороги, и Лили резко затормозила, вскрикнув от неожиданности. Пора бы уже привыкнуть к внезапным появлениям птиц и диких животных, но ее нервы были на взводе. Из церкви вышел бородатый молодой человек в странном одеянии — возможно, диакон. Вероятно, он услышал визг шин ее «доджа» и захотел убедиться, что ничего страшного не произошло. Клирик проводил машину Лили взглядом, и ей стало совсем не по

себе. Лишь яркие лучи солнца дарили хоть какую-то нотку оптимизма.

Картер о чем-то разговаривал с коронером. Лили заметила его светлую макушку, как только въехала на парковку. В последнее время они с Картером занимались бумажной работой в офисе, большую часть времени пускавая самолеттики, играя в морской бой или в крестики-нолики. Присутствие coronera и криминалистов убедило Лили в том, что дело серьезное.

Припарковав «додж» у края обнесенного полосатой лентой участка, Лили вновь надела куртку — солнце уже скрылось за облаками — и пошла навстречу напарнику. Ее встретили знакомые горящие глаза цвета водной глади, тонкие губы, растянутые в улыбке, и неизменная, местами уже дырявая темно-серая куртка-бомбер.

— Эй, Лили! — Картер сунул ей бумажный пакет с сэндвичем. — У нас труп.

— И тебе привет. Спасибо. Что говорит Сайлас? — Лили кивнула в сторону coronera.

— Смерть наступила около девяти-десяти часов назад. Причину смерти назовет после вскрытия, но, по-моему, она очевидна: девушке перерезали горло. Однако Сайласастораживает поза, в которой ее нашли. Пойдем, покажу!

— Личность уже установлена? — Лили старалась не отставать от размашисто шагающего Картера.

— Селеста Кларк, двадцать три года, студентка четвертого курса, судя по удостоверению, найденному в машине.

— В машине? — Лили запнулась, а затем увидела ее.

Селеста смотрела ей прямо в глаза. Словно видела ее душу, словно прочла там все ее страхи и теперь намекала: самое страшное еще впереди.

